Уваров Егор Николаевич, 1916-1942 годы

Уваров Егор Николаевич родился в 1916 году в селе Дегтярном Ястребовского Района Курской области. Здесь же был председателем колхоза. Еще в 30-е годы вступил в ряды ВКП(б), перед войной являлся членом РК ВКП(б) Ястребовского района. Являясь председателем колхоза, работал, непокладая рук, хозяйство вел большое, хорошо зарабатывал и полностью обеспечивал семью. Его уважали все, кто с ним был знаком. Окружающие говорили, что таких людей мало. Если у человека было какое-то несчастье, он пытался помочь, поддержать, сделать что-нибудь доброе.

В 1940 году прадедушку призвали на военные сборы в Горелый лес около Старого Оскола. Война была не за горами. О войне с фашистской Германии население Старооскольья узнало в полдень 22 июня 1941 года. По телеграфу в 17 часов был передан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военной мобилизации» и наш край вошел в состав Орловского военно-мобилизационного округа. Призыву подлежали военнообязанные с 1905 по 1917 годы рождения.

23 июня 1941 года ушел на фронт и Егор Николаевич. Его провожали всей деревней. Друзья приносили теплые вещи, еду, хотели отблагодарить его за все добро, что он сделал для них. Со слезами на глазах провожали не только его, но и других мужчин. Никому не было известно: увидят ли они знакомые лица через некоторое время или фронт станет гранью между жизнью и смертью...

Первым известным официальным документом стал ответ из Военно-медицинского музея МО РФ. В 1996 году пришел ответ на запрос, его ждали долго - почти год. Выяснилось, что красноармеец Уваров Е.Н. уже с июля 1941 года оказался на Западном фронте. Воевал в 16 армии в 400 стрелковом полку, оборонял Смоленск. Под Смоленском получил ранение. С 25 июля 1941 года он находился в госпитале. Совсем немного он был на фронте, но судьба распорядилась именно так. Отражая атаку гитлеровцев, рядовой Уваров получил осколочное ранение левой кисти. Осколком, как бритвой, срезало окончание фаланги второго и третьего пальцев. Сначала он находился на излечении в походно-полевом госпитале своей армии, затем - в эвакогоспитале № 2386. Наша армия отступала, и красноармейца Уварова перебрасывали из госпиталя в госпиталь, пока он не оказался 28 июля 1941 года в эвакогоспитале № 3096 в глубоком тылу в городе Иваново.

С 22 сентября 1941 года находился в батальоне выздоравливающих, а оттуда его комиссовали. Но точной даты установить не удалось, можно предположить, что это было в конце весны 1942 года.

Это был первый документ, подтверждающий, что он с фронта не дезертировал, а был комиссован по ранению.

В Старом Осколе Егор Николаевич появился летом 1942 года. В это время Старый Оскол уже был прифронтовым городом. Город готовился к обороне: формировались истребительный батальон, отряд народного ополчения, пополнялись воинские части. По архивным сведениям, содержащихся в городском музее, в городе в это время располагался штаб 40-й армии, политотдел 21-й армии, Курский обком партии во главе с секретарем генералом Дорониным. Он же возглавлял и городской комитет обороны.

Как потом оказалось, появление моего прадеда в родных местах было неслучайным, но об этом также узнали много лет спустя.

Егор Николаевич некоторое время пребывал в Старом Осколе. Сопоставив два факта, что он являлся членом районной парторганизации Ястребовского райкома и наличие в городе Курского обкома партии, становится понятной цель его пребывания здесь. После войны нашли свидетельницу - соседку по с. Дегтярное, которая видела Уварова Е.Н. в Старом Осколе, разговаривала с ним. Город уже эвакуировался, а он наоборот шел в село Дегтярное. Соседка предупреждала Егора Николаевича, что немцы уже рядом и домой ему нельзя: «Ты же коммунист!». Но добрался прадед домой благополучно. Разве в такое время мог он усидеть дома.

Положение на фронтах становилось все тревожнее, и 28 июня 1942 года разразилась катастрофа. Прорвав фронт, моторизованные части фашистов двинулись на Воронеж, окружив части наших 40-й и 21-й армий. Утром 3 июля в город вошли передовые части^-й полевой и 2-й венгерской армий противника. Город и край оказались в оккупации.

Вторым документом о судьбе Уварова Е.Н. стала справка, выданная бывшим секретарем Ястребовского РК ВКП(б) Шатиловым. Этот документ неопровержимо доказывал, что Уваров оставался в тылу врага по заданию Ястребовского райкома партии. Становится ясно, что комиссованный с армии прадед не просто шел домой, а направлялся для борьбы с врагом на оккупированные территории. Ценность этого документа огромна. После освобождения города Прасковья Ивановна Уварова пыталась узнать о судьбе мужа. Но начальник Ястребовского РО НКВД ст. лейтенант Стороженко заявил, что ее муж является дезертиром Красной Армии, что он бывший коммунист и, естественно, не поверил словам прабабушки, что он оставался в тылу по заданию. Это заключение сделало невозможным поиски Уварова после войны. И семья Уварой П.И. осталась без помощи в трудные послевоенные голодные годы.

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск, Курский обком еще до оккупации области провел значительную работу по созданию подпольных партийных организаций и партизанских отрядов. На территории Курской области были созданы 56 подпольных партизанских организаций и 32 партизанских отряда. В одной из таких партизанских групп был и Уваров Е.Н. О деятельности подпольщика

Уварова узнать ничего не удалось: свидетелей нет. Известно лишь то, что Уваров был арестован вместе с группой подпольщиков. Подробностей не могла знать и его жена, а ее словам о том, что Егор был оставлен в тылу по заданию, власти не верили.

Арестовали прадедушку внезапной конце августа 1942 года. Было ли это случаем или предательством - никто никогда уже не узнает. Нагрянул к нему домой лично начальник полиции Ястребовского района Ефим Чаркин со старостой и тремя венграми. Зайдя в дом, он сразу кинулся избивать Егора. Бил нещадно: сначала ладонями, потом кулаками, затем шомполом. Чаркин требовал признания связи с партизанами, пытал все: «Признавайся, ты коммунист? Давай партбилет!» Но Уваров молчал. Это взбесило полицаев, они начали избивать его прикладами винтовок, избили до полусмерти. Как вспоминает Прасковья Ивановна, все искали что-то, перерыли весь дом, но ничего не нашли. Чаркин во время допроса и избиения все время спрашивал «какую-то вещь». Не добившись ничего от Егора, полицаи забросили его в машину и увезли в Ястребовку, где была комендатура. Из дома забрали все, что можно: одежду, белье, вещи - ничего не оставили. Единственную корову и то забрали по приказу Чаркина, обрекая Прасковью Ивановну и ее четверых детей на голод. Прасковья, бросив дом, кинулась бежать с маленькой дочкой - прятаться. Ничего хорошего после этого визита ждать не приходилось. Жители хорошо узнали «новые порядки».

В Шаталовском районе гитлеровцы расстреляли председателя колхоза «Красный земледелец» Н.Ф. Анпилова, 65-ти летнего Д.П. Черникова, 80-ти летнего Л.Г. Волобуева, повесили жену красноармейца М.С. Волобуеву. В совхозе «Петровский» расстреляли активистов - трактористов Г. Батищева, И. Красюкова, П. Щербакова. В селе Дмитриевка замучен фашистами председатель колхоза им. Молотова - Г.А. Попов. Плач и стоны детей, женщин и стариков были слышны везде.

Полицаи поймали Прасковью Уварову, избили прикладами и доставили в полицию в с. Ястребовку. Там ее заперли в каком-то сарае. Прасковья уже прощалась с жизнью. Сторожившй ее полицай оказался человеком с сердцем и доброй душой. Знал он, что у нее четверо детей и решил отпустить: «Прасковья, беги отсюда, чтоб не догнали, но не домой. А я скажу, что убежала». Полицай предварительно сделал в сарае дырку, а сам, напившись пьяным, свалился у дверей. Прасковья Ивановна убежала, а полицая потом самого долго пытали, выжгли на спине звезду, но он не признался ни в чем. Только спустя 19 лет Прасковья встретила своего спасителя, если бы не он, не было бы ее в живых.

За семь месяцев оккупации в Старом Осколе фашисты расстреляли и повесили 215 колхозников, 116 рабочих, 107 женщин, 56 детей .

В период оккупации Чаркин применял жестокие меры по борьбе с коммунистами, советскими активистами, партизанами. Он расстреливал, избивал, вел жестокую расправу над мирным населением. Но от возмездия он

не ушел. Поймали его и судили на заседании военного трибунала Курского гарнизона 10 июля 1946 года, и свидетелем здесь была Прасковья.

Судьба Егора Николаевича Уварова сложилась трагично. Больше его родные никогда не увидели. Было известно, что в комендатуре с. Ястребовка его продержали три дня, а затем он с другими был отправлен в Старый Оскол. Оттуда он больше уже никогда не вернулся. Даже при очной ставке с Прасковьей Уваровой в декабре 1945 года Чаркин ничего не мог сообщить о судьбе Уварова Е.Н. (Приложение № 6). След Егора Николаевича потерялся в Старом Осколе, официально его считали пропавшим без вести. Долгое время наша семья писала в разные архивы, в управление ФСБ по Курской, Белгородской области. Были получены копии протоколов военного трибунала Курского гарнизона от 10 июля 1946 года. Из них следовало, что немцами и венграми было арестовано до 130 советских граждан, членов ВКП(б), комсомольцев, активистов и других подозреваемых в партизанской деятельности, среди них был назван и Уваров Е.Н. Его товарищи Пожидаев И.П., Головин С.М., Лунев А., Кононов М.Ф., Зеленин Л.М. были расстреляны, а Махаев, Золотухина Е., Уваров Е.Н. и другие содержались в фашистских застенках и пропали без вести. Ничего не смог сообщить и секретарь Ястребовского райкома ВКП(б) Шатилов. Было известно, что их вывезли в октябре 1942 года в неизвестном направлении. Но поиски не прекращались. Из архива УКГБ по Белгородской области был получен ответ на запрос о судьбе Уварова Е.Н.. Из него следовало, что они располагают единственным показанием свидетеля Малыхина Сергея Илларионовича. Он заявлял, что вместе с ним в камере Старооскольской тюрьмы находились: Кононов М.Ф., учительница Средне-Опочинской школы Золотухина Е.В., " учительница той же школы Хорошилова Ф С., председатель сельского Совета Махаев С., коммунист из села Ржавец Васильев и бывший председатель колхоза из села Дегтярное (имени и отчества не знал). Однажды в октябре 1942 года мадьяры вывели из камеры Махаева, Васильева, Уварова, Золотухину, Хорошилову и расстреляли их.

Но на этом точку было ставить рано. Все это требовало доказательств. В живых Малыхина уже не было. Не все шло так быстро, как хотелось, приходилось писать и ждать. Надо было выяснить места расстрела в Старом Осколе. В этом помог городской клуб «Поиск» Э.И. Григорьева.

Было выяснено, что венгры расстреливали старооскольцев в слободах Ямская и Гумны. Клуб «Поиск» перезахоронил останки у мемориала в Атаманском лесу.

Только на основании всех документов, фактов Старооскольский городской суд вынес решение, что Уваров Е.Н. погиб в октябре 1942 года, являясь партизаном-подпольщиком. Спустя 56 лет после гибели имя Уварова

Е.Н. было высечено на мемориальной плите у Атаманского леса как отдавшего жизнь за свободу Родины.